

ПУТЕШЕСТВИЕ К ПАСХАЛЬНОЙ РАДОСТИ

О богослужениях
Великого поста,
Страстной седмицы
и Пасхи

протоиерей
АНДРЕЙ ТКАЧЕВ

Андрей Ткачев

**Путешествие к
Пасхальной радости**

«Никея»

2026

УДК 22.09
ББК 86.3+86.372

Ткачев А.

Путешествие к Пасхальной радости / А. Ткачев — «Никея», 2026

ISBN 978-5-90-804769-2

Наступает время, когда каждый из нас должен впустить в свою жизнь немного тишины, чтобы вновь – а может быть, впервые – услышать, как Христос ищет и зовет драгоценную душу, которая Ему дороже всего мира. Великий пост – это время, когда человеку нужно просить, искать и стучать в точном соответствии с евангельским призывом. Об этом и многом другом читайте в новой книге протоиерея Андрея Ткачева «Путешествие к Пасхальной радости. О богослужениях Великого поста, Страстной седмицы и Пасхи».

УДК 22.09
ББК 86.3+86.372

ISBN 978-5-90-804769-2

© Ткачев А., 2026
© Никея, 2026

Содержание

Вместо предисловия. Дом твоей души	6
Прощеное воскресенье. Всякий пред всеми виноват	9
Великий пост	11
Первая неделя Великого поста	11
Верность до смерти	13
Цена свободы	15
Время встречи	17
Две правды	19
В бой	20
«Не ешь» – столь же древний запрет, как и сам человек	22
Когда пост становится самообманом	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Протоиерей Андрей Ткачев
Путешествие к пасхальной радости.
О богослужениях Великого поста,
Страстной седмицы и Пасхи

Рекомендовано к публикации Издательским советом Русской Православной Церкви.

© Ткачев Андрей, прот., 2026

© ООО ТД «Никея», 2026

* * *

Вместо предисловия. Дом твоей души

Построить дом, посадить дерево, вырастить сына – вот три кита, на которых зиждется уверенность человека в том, что жизнь прожита не напрасно. При этом не принято упоминать о главной «стройке» нашей жизни – о строительстве дома духовного.

Довольно часто в Писании встречаются духовные поучения, в которых в качестве аналогии используется образ построения дома. Этим образом оканчивается Нагорная проповедь Спасителя. Всякого, кто слушает Христа и исполняет слова Его, Господь уподобляет мужу благоразумному, который построил дом свой на камне. Такому дому не будут страшны дожди, разливы рек и сильные ветры, непременно имеющие устремиться на здание. Напротив, человек, слушающий, но не исполняющий слова Христа, подобен человеку безрассудному, построившему дом на песке. Этот дом от напора стихий упадет, и его разрушение будет великое (см. Мф. 7: 24–27).

Подобным образом говорит и апостол Павел. Он называет себя тем, кто положил основание веры, а человек уверовавший затем обязан возводить здание из благородного вещества: золота, серебра, драгоценных камней (см. 1 Кор. 3: 10–15). Тому, кто строит из дерева, сена и соломы, апостол угрожает уроном, поскольку *огонь испытает дело каждого*. Под огнем разумеется великий день всеобщего воскресения и Последнего Суда.

Призыв апостола строить из драгоценных материалов напоминает о видении Иоанном Богословом Небесного Иерусалима, где *основания стены города украшены всякими драгоценными камнями... А двенадцать ворот – двенадцать жемчужин: каждые ворота были из одной жемчужины. Улица города – чистое золото, как прозрачное стекло* (Откр. 21:19–21).

Это, кроме прочего, означает то, что будущее блаженство не равно утраченному раю, но больше его. Больше и сложнее настолько, насколько город сложнее девственного леса. Согрешив, люди были изгнаны из цветущего сада. А в будущем им предстоит наследовать город. Об этом прямо сказано в Писании: *они* (праведники древности) *стремились к лучшему, то есть к небесному; посему и Бог не стыдится их, называя Себя их Богом: ибо Он **приготовил им город*** (Евр. 11:16).

Таким образом, строительство, зодчество вписано в божественные планы, и при помощи его можно объяснять и уяснять духовные тайны точно так, как это можно делать, всматриваясь в растущий колос, в невод, полный рыбы, в подрастающую квашню, во все то, чем изобилуют притчи.

Честертон в «Вечном человеке» дает себе труд остановиться на образе ключей, данных Петру. Ключ, говорит Честертон, есть вещь замысловатая, хитрая. Это не камень и не дубина, но произведение ремесла и художества. Поборники радикальной простоты должны на этих словах призадуматься. Кроме того, ключ должен подходить к замку. Если ключ красив и крепок, но дверь не открывает, то что пользы в нем? Итак, ключи от Царствия Небесного должны быть именно ключами от этого Царствия, а не просто ключами. И, без сомнения, ключ есть плод труда, доступного не всякому.

Взглянем теперь на строительство духовного дома с того же ракурса. Что является одинаково необходимым в духовных трудах и созидании дома?

И то и другое есть процессы длительные и требующие специальных знаний. Размешивать раствор и носить кирпич может каждый, у кого достаточно здоровья. Но ровно поднимать стены и связывать углы, угадывать незаметные для непосвященного глаза нюансы может лишь тот, кто имеет опыт. Это – первое.

Второе подобие кажется мне еще более важным. Дом строится постепенно, этап за этапом, и ни одним из промежуточных этапов нельзя пренебречь, ничто нельзя отбросить, забыть,

ни от чего нельзя отмахнуться. Нельзя, чтобы крепость фундамента не соответствовала запланированной тяжести стен. Нельзя, чтобы кривизна превысила допустимый предел отклонения. Нельзя экономить на материалах, заменяя нужное количество цемента песком. Нельзя строить дом, начиная с крыши, словно ты рисуешь его на мониторе компьютера, но нужно зарываться в землю и затем подниматься вверх, в строгом соответствии с направлением роста дерева. Ибо искусство всегда подражает природе и не имеет права пренебрегать ее законами. Собственно, цивилизационные навыки человека и есть некая «вторая природа», в которой живет человек.

Наш духовный дом строится так трудно и так медленно; его стены так часто обрушиваются, незавершенное строение столь некрасиво, и завершению работ не видно конца именно потому что мы строим абы как и сикось-накось. Строим по принципу «и так сойдет», словно строим не для себя, а работаем в стройбате и сооружаем казарму для чужого подразделения. Мы допускаем грубейшие ошибки в планировании, не соблюдаем технологии. И души наши, возможно, похожи на недостроенный дачный городок, где куплена земля и начаты работы, но ни один домик не доведен до ума. Там нет крыши и отсырели стены. А вот там ночуют бомжи и выбиты стекла. Ну а здесь из фундамента выросло дерево и стены подняты лишь на локоть. Спасение не такое простое дело, и глубоко неправы протестанты, в своем благодушии убежденные, что сам факт прихода ко Христу через веру делает их раз и навсегда спасенными.

Образ строящегося дома присутствует не только в Писании, но и в святоотеческих творениях. Авва Дорофей, к примеру, подробно останавливается на этом образе. Он говорит о полагании фундамента, каковым является беспримесная апостольская вера. Затем наступает черед возведения стен. Стены складываются из кирпичей. Кирпичи – добрые дела, совершенные ради Господа, исполнение заповедей. Простил обиду – положил кирпич.

Сдержал гнев и не дал развязаться зачесавшемуся на зло языку – положил еще кирпич. Помолился внимательно и от сердца – еще кирпич. Чтобы кирпичи держались друг друга, нужен цемент. Цемент – это смирение. Гордо совершенные добродетели рано или поздно рухнут, словно кирпичи, не держащиеся один за другой. Такое строительство продолжается долго. И наконец, когда стены возведены и не падают, можно покрывать дом крышей. Крыша – это любовь, она же – венец всех добродетелей.

Очень важно отметить, что любовь как самостоятельная добродетель отсутствует. Ее, любовь, невозможно возделывать и взращивать отдельно от всех остальных добродетелей. Наоборот, нужно воспитывать в себе терпение, сострадание, умеренность, воздержность, молитву, отзывчивость. И лишь когда эти труды продолжаются упорно и начинают приносить плод, есть надежда, что Бог увенчает их подарком. Бог подарит любовь, и она явится сама, как небесный дар, как венец всех ранее понесенных трудов. У нас нет любви. Это надо признать. Но в наших силах делать дела любви без самой любви. А в Божией власти подарить нам любовь, когда Ему будет угодно.

Сентиментальные рассуждения о любви не имеют никакого смысла, если параллельно не воспитываются все предшествующие любви добродетели. Это – закон. Так Ной долго строил ковчег, чтобы войти в него с семьей и животными. А когда вошел, *затворил Господь Бог за ним ковчег* (Быт. 7: 16). То есть Ной строил, а когда закончил, последнее дело осталось за Богом. За Богом всегда остается последнее дело, и Он Сам венчает наши труды. Это – тоже закон.

Подобное положение вещей видим и при служении литургии. Перед ее началом священник говорит: «Время сотворити Господеви», – то есть «настало время Господу действовать». Мы служим, и просим, и молимся, а Он совершает, творит. Так что о любви лишний раз говорить не стоит, но стоит трудиться ради получения любви в подарок. В противном случае мы рискуем раздражать Бога неуместными словами и нарушением строгой последовательности духовных действий.

Трудно сказать, на какой стадии готовности находится наш бесценно важный строительный объект. У кого-то выросли стены. У кого-то только положен фундамент. Но с крышей

точно проблемы у всех. А у некоторых проблемы, быть может, даже с основанием. Гордиться нечем, а труды всех ожидают немалые. Посему стоит подумать об убегающем времени и о душе, стремящейся на встречу с Воскресшим Господом. Он будет принимать работу. И не только принимать работу, но и поселиться захочет в сооруженном жилище, поскольку сказано: *Се, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему, и буду вечерять с ним, и он со Мною* (Откр. 3: 20). Стыдно будет предоставить Господу недостроенное и неукрашенное жилище без крыши, не могущее укрыть путника ни от дождя, ни от зноя.

Кажется, сказано довольно. Пора и за работу приниматься.

Прощеное воскресенье. Всякий пред всеми виноват

Порой простить ближнего – тяжелый труд. Так же непросто бывает и просить прощения. Многим на опыте известно, что чудо прощения невозможно без благодати Христовой, побеждающей наш эгоизм и самолюбие.

Говоря о прощении, на что больше обращаем внимание? Конечно, на то, чтобы человек поискал в себе силы простить другого. А когда не найдет этих сил (нет их в человеке, сколько ни ищи), взмолился бы Богу о даровании сил простить, забыть, отпустить от сердца обиду.

Отошло время подвигов. Никто не уходит в пещеры, никто не восходит на столп. Даже на время Великого поста большинство не находит в себе сил расстаться кто с конфетой, кто с сигаретой, кто с телевизором. Отошло, говорим, время подвигов, но не отошло время спасения. Господь не отдалился, чтобы слышать молитвы, и мышца Его не ослабела, чтобы спасти. И можно обрести благодать без дел заметных и внешних. Главным делом всегда было и будет дело внутреннее и подвиг умный.

Спаستись, говорят, «не трудно, но мудро». Хоть один раз прочти молитву Господню, ни в чем Богу не солгав. Особенно не солгав в словах «оставь нам долги наши, как и мы оставляем должникам нашим». Если ты лжешь, что оставил долги должникам, то все грехи твои – на твоей голове, невзирая на многократные исповеди.

Без Христа никому ничего нельзя простить. Без Христа жизнь людей – это кровная месть между племенами, накопление исторических обид между народами и такие повседневные отношения между людьми, словно это не люди, а пауки в банке. Без Христа, по слову святителя Николая Сербского, человечество – это зверинец. И только идя ко Христу Который простил всех нас, мы начинаем понимать цену прощения и его необходимость.

Вернемся к началу. Говоря о прощении, на что больше обращаем внимание? Конечно, на то, чтобы человек поискал в себе силы простить другого.

Но давайте ощутим и другую грань темы прощения. А именно необходимость самому просить прощения и чувствовать при этом, что ты действительно виноват.

В «обычном» состоянии душа человека окутана темным облаком эгоизма и самооправдания. В этом состоянии человек мыслит и чувствует так, что все должны ему, а он не должен никому. Но если блеснет молния Духа и прогонит это мрачное облако, то мир предстает перед человеком в ином свете.

Накануне поста мы просим друг у друга прощения. Казалось бы, дежурные фразы: «Прости меня». – «Бог простит, и я прощаю». Но сколько есть в храме людей, столько раз ты скажешь эти слова по-новому, в зависимости от того, кому ты их говоришь. В это время человеку действительно подается благодать Духа и раскрываются его духовные очи.

Ты видишь ясно и понимаешь, что вот этого, например, человека в душе осуждал за неопрятный вид, а эту семейную пару – за то, что их ребенок шумно ведет себя на службе. Есть люди, от которых ты брезгливо отворачивался, есть те, над которыми в тайне сердца насмеялся. Есть люди, которым ты в уме давал обидные прозвища. Вот они проходят перед тобою: «толстяки», «неряхи», «святоши», «тупицы», «мокрые курицы». Хор поет «Покаяния отвержи ми двери, Жизнодавче», на лицах у многих слезы. Слезы эти и у тебя, потому что ты чувствуешь, что виноват перед всеми.

В любом рабочем коллективе, в любой редакции или конторе, в любом офисе эта ситуация могла бы повториться. Только там не поют покаянные песнопения, там начальник не обратится к подчиненным с умиленным словом. Не скажет: «Друзья мои. Я был недостойным руководителем. Там, где нужна была строгость, я был уступчив. Там, где нужна была мягкость и терпение, я нервничал и заставлял нервничать вас. Я многое сделал не так и теперь прошу вас – простите меня». Люди, еще сегодня утром осуждавшие и обсуждавшие шефа на перекуре,

зашмыгали бы носами, у многих заблестели бы от слез глаза, и раздался бы ответ: «И вы нас простите».

Разве это фантастика? Разве это так уж нереально? Но нет этого пока в офисах и на предприятиях. Зато в храме есть. В храме спадает с человека пелена слепоты, и он видит себя кругом виноватым. Даже не читая Достоевского, одну из прозорливых мыслей этого писателя понимает в храме человек. «Всякий пред всеми виноват» – так звучит эта мысль.

Наша душа одета в помыслы. Мысли – это нити, из которых соткана одежда души. И человек думал, что он одет богато, одет в мягкий, светлый, ниспадающий волнами шелк. А оказалось, что одет он в рубище, ткань которого соткана из грязных нитей. Добрая половина грязи на этом рубище – помыслы осуждения, высокомерия, презрения к ближним.

Об этой одежде души будет петь Церковь на Страстной: «Чертог Твой вижду, Спасе мой, украшенный, и одежды не имам, да вниду в онь».

Эту же одежду имеет в виду Евангелие, когда говорит о человеке, пришедшем на пир не в брачном одеянии; человеку, которого, связав по рукам и ногам, извергли вон.

Что же скажет душа, если почувствует себя перед всеми виноватой? Начнет ли она сочинять длинные оправдательные речи? Вряд ли. Но и молчать она не будет. «Простите меня», – будет говорить душа. «Простите меня, ближние и дальние, живые и усопшие. Простите меня, люди и ангелы. Прости меня, солнце, освещавшее мои грехи, и ночь, скрывавшая их. Прости меня, земля, терпящая мой шаг, и воздух, вдыхаемый и выдыхаемый мною».

Говоря о прощении, на что больше обращаем внимание? Конечно, на то, чтобы человек искал в себе силы простить другого.

Но давайте ощутим и другую грань темы прощения.

Прощение надо испрашивать как у Бога, так и у людей. Может статься, что у Бога мы выпросим прощение быстро. Вздохнем, заплачем, скажем: «Прости меня, Господи», – и Он тут же простит. А вот у людей, быть может, придется просить прощения долго. Ведь их, людей, много. И Единому Господу нужно принести одно покаянное слово, а множеству людей надо будет часто повторять: «Простите меня, простите меня». Повторять надо будет не механически, а живо, и умно, и прочувствованно. И слезы будут течь сами собою, и хор будет петь «На реках вавилонских», а потом – и стихиры Пасхи. И только перед последним торжествующим стихом пение оборвется.

Великий пост

Первая неделя Великого поста

Все верующие люди, сколько их ни есть, не могут поститься совершенно одинаково – в силу их различий в возрасте, здоровье, образе жизни, степени воцерковленности. И эпохи, сменяющие одна другую, накладывают на духовную жизнь свою характерную печать, превращая один и тот же духовный труд не в повторение того, что было раньше, а в нечто совершенно уникальное и особенное.

В чем современные особенности постного подвига?

Первое, что бросается в глаза, – это время, которое сегодня тратит обычный человек на перемещения. Чтобы попасть на работу, а после работы прийти в церковь и затем вернуться домой, человеку приходится не просто перейти улицу или пройти пару сотен метров, а совершать привычные и длительные путешествия. Это изматывающее времяпрепровождение в городском транспорте, это ежедневная трата сил и карманных денег. В самом лучшем случае на работу – час, с работы в храм – час, со службы домой – час. Итого три часа тяжелой и специфической «работы», вытягивающей из человека остатки физических и психических сил.

Между тем устав церковный на такие перемещения не рассчитан. Он рассчитан на монастырь, где от кельи до места послушания – рукой подать, а от места послушания до храма – пять минут ходьбы. Отсюда и возможность иметь несколько часов времени и запас сил для длинной молитвенной работы в храме. Сельская жизнь тоже предполагает близость дома, храма и места работы. Вот поле, вот дом, а вот и звук близкого колокола, зовущий на службу. Кроме того, общежительный быт монастыря предполагает, что вернувшийся со службы человек найдет в трапезной готовую еду, пусть самую скромную ради поста, но все же готовую. А мирской богомолец (чаще – женщина) вынужден будет, приехав домой, становиться к плите и кормить домочадцев. Как видим, подвиг удваивается и даже утраивается.

Мы не можем менять условия жизни радикальным способом. Но можем менять к ним отношение. В данном случае от духовников требуется чуткость и сострадание «маленькому прихожанину», который борется за жизнь, изнемогает от вязкого быта и пробует служить Богу. Он не все вычитывает, не все выстаивает, не все выслушивает. А из того, что выслушивает и вычитывает, не все понимает. Нужны терпение и снисхождение. Недопустимы завышение планки требований и хмурый вид знатока, поучающего невежду. Нужно понимать, что врагом молитвы утренней является спешка, а молитвы вечерней – усталость. И человеку приходится, быть может, учить наизусть молитвы и псалмы, чтобы, в вагоне метро прислонившись к окну, помолиться по памяти. Упрекать его за такой способ молитвы нельзя, скорее наоборот, стоит подбодрить и утешить.

Еще одно необходимое замечание касательно эпохи с ее особенностями – это смещение акцентов с пищи на информацию. Человек прежних эпох был здоровей и выносливей нашего современника. Пустой желудок был нужен ему для снижения биологической активности. Нужно было реально ослабеть, чтобы сдерживать свою буйную страстность. Современный же человек – это сплошь и рядом дохляк и суцая немощь. Он не страдает от избытка физических сил и горы не переворачивает. Он, напротив, просыпается уставшим и еле ноги передвигает в течение дня. Зато он перекормлен, напичкан информацией, которая льется ему в глаза и уши тропическим дождем, отчего многие похожи на пациентов психиатрической клиники, почему-то ночующих дома.

Выключить телевизор и не включать его хотя бы на первой, Крестопоклонной и Страстной неделях будет намного полезней, чем исследовать этикетки на продуктах: дескать, нет ли

там сухого молока или еще чего-нибудь непостного. Музыка, сплетни и праздная болтовня, телепередачи, «зависание» на любимых сайтах – это вещи более опасные, чем стакан молока, и требующие более строгого или даже беспощадного к себе отношения.

Конечно, я не за то, чтобы человек вступил в «информационный пост» и продолжал есть что хочет. Телесное воздержание, как сказали отцы, есть действительно «мать всего доброго». Нужно подсушить чрево и раздать милостыню, нужно поупражняться в чтении Святых Писаний и в коленопреклонениях. Но нужно понимать особенности мира, в котором мы живем, и не пытаться, как говорил святитель Филарет Московский, превратить Москву в Фиваиду, а век девятнадцатый – в век пятый. И современник Филарета, не менее чудный в житии и в разуме, святитель Игнатий повторял, как заповедь, слова: «Пойми время».

Нетрезвое, лишённое рассуждения отношение к жизни плодит на каждом шагу ошибки и дискредитирует саму возможность проводить «тихое и безмолвное житие во всяком благочестии и чистоте».

Итак, нельзя набрасывать на всех один аршин, но разбираться с каждым человеком как с «отдельным случаем». Нельзя не учитывать фактическую суетность городов с их расстояниями, перемещением, усталостью. И нельзя не помнить, что пост и молитва есть умный труд внутреннего человека, а значит, врагом этого труда избыток информации является даже в большей степени, чем избыток пищевых килокалорий.

Дальнейшее же подскажет опыт, ибо дорогу осиливает идущий, а не изучающий карту маршрута.

Верность до смерти

В углу моей комнаты висит икона Спасителя с горящей перед ней лампадой. Я привык к ней и редко задумываюсь над тем, какое место икона занимает в моей жизни. Православное украшение интерьера, что-то привычное для молитвы, одна из обрядовых сторон Церкви, красота, наконец... Вот что значит икона для бытового сознания. Но за этими красками разверзнутся бездны.

Приближается первая неделя Великого поста. Я готовлюсь к проповеди о торжестве икопочитания, перебираю в памяти все, что знаю о «богословии в красках». Две вещи вспоминаются ярче всего.

Средневековая Грузия. Маленькую христианскую страну постоянно терзают различные захватчики. Храбрые благоверные воины и мученики за Христа – самый многочисленный лик грузинских святых. Верность Христу буквально оплачивается кровью.

Очередной враг – царевич Джелал ад-Дин – захватывает Тбилиси. Он повелевает снять купол с кафедрального собора и усаживается на его верху. Внизу у моста через Куру поставлены иконы – те самые, перед которыми молились многие поколения горожан. Царевич повелевает жителям города подходить по одному и, плюнув на образ, живым перейти на другой берег. Возле икон стоят воины с обнаженными мечами, и несогласных ждет неминуемая смерть. Подходит первый человек. Крестится, склоняет голову и в последний раз целует знакомый образ. Острый меч мгновенно отсекает голову и тело первого мученика бросают в реку. Подходит второй, происходит то же. Третий, четвертый... Люди стоят в длинной очереди за смертью, трепещут, молятся, однако, крестясь, целуют иконы и, обезглавленные, падают в реку.

До позднего вечера шли ко Христу православные тбилисцы, омывались кровью и уходили в Небо. На иконы не плюнул никто. С удивлением смотрел Джелал ад-Дин на мучеников, которых он захватил, но не поработил.

Средневековая Япония. Европейские мореплаватели открывают для себя этот островной народ – и открывают для японцев европейскую цивилизацию. Гавани полны кораблей, чьи паруса украшены крестом. Диковинные товары наводняют страну. Проповедуется новая вера. Европейцы изучают японский язык, переводят на него Евангелие. Множество туземцев откликается на проповедь о Христе, принимает новую веру. Сегуны (правители) благопритствуют этому и даже позволяют совершать службы и молиться в своих замках. Но вскоре японцы чувствуют неладное. Успех католической миссии грозит колонизацией страны. Религия может послужить инструментом политики. К тому же наводнившие страну миссионеры не являют пример христианской жизни. Представители разных монашеских орденов враждуют друг с другом. Японцы принимают радикальное решение – они выгоняют всех европейцев и запрещают им впредь появляться на островах. Япония на долгие столетия сознательно изолирует себя от всего мира. Благодаря этому она избежит судьбы многих стран Индокитая и никогда не будет колонией. Но внутри страны остается много христиан-японцев. Что делать с ними? Их решают выявить и уничтожить.

Выявляют христиан особым способом. Сегунам ясно, что есть вещи, которые христианин не сделает ни при каких условиях. Например – не наступит на икону Христа. И вот вооруженные отряды объезжают страну и в каждой деревне предлагают людям одно и то же – попать ногами образ Спасителя. Расчет оказался верным. Верующие сразу обнаруживают себя категорическим отказом. Их всех ждала мучительная смерть.

Для грузин и японцев, для греков и русских, для православных христиан любой национальности всегда было ясно, что Христос – не только Слово Отца, но и – Образ Бога невидимого. Чтить нужно не только Его Книгу, но и Его Образ. Икона не тождественна природе Изображаемого, но тождественна Его Личности.

В углу моей комнаты висит икона Спасителя с горящей перед ней лампадой. Я часто смотрю на этот образ и привык к нему. Но сегодня, вспоминая мучеников, я смотрю на икону как будто впервые – и вижу в ней святыню, за которую можно умереть.

Цена свободы

Опять наступило время перемен и благих изменений в жизни огромного числа людей. И в твоей в том числе, дорогой читатель. Это время поста, время душевной весны, время выхода на свободу.

Все самое главное в нашей жизни проходит в едва различимом мраке на дне нашего сердца, где между двумя полюсами – «грех» и «праведность», – как между минусом и плюсом, горит ниточка накала нашей жизни. Деньги, жилье, одежда, знакомства, погода, болезни, политика, новости... все это лишь тонкая пленка на поверхности глубокого озера, имя которому – сердце. Там пресмыкающиеся, которым нет числа, животные малые с большими (Пс. 103: 25). Жизнь снаружи целиком зависит от жизни внутри, от того, свободен ты или связан, силен внутренней силой – или утомлен и обескровлен. Время поста – это время путешествия внутрь. Как спелеологу в пещеру, как ныряльщику в глубину моря, человеку предстоит тяжелое схождение внутрь сердца. Поэт сказал: «О, бурь уснувших не буди – под ними хаос шевелится». А мы как раз разбудим бури и потревожим хаос. Пойдем бороться со змеем, свернувшимся кольцами на самой глубине.

Сперва вооружимся. Непобедимой силой Животворящего Креста и смирением. Смирение будет нам щитом, а Крест – мечом обоюдоострым. И не будем бояться. Нас неизбежно изранят, даже истерзают и почти изорвут в клочья. Ни один после этой драки не останется цел. Все будут зализывать раны. Но венец награды, будущий триумф стоят того, чтобы ввязаться в схватку.

Пост двулик. Одно его лицо сияет для человека, другое устрашающе и грозно смотрит на лукавого. Пост для и против. Для – сердца, и против – лукавого. Для сердца, заметьте, а не для желудка, не для здоровья, не для диеты. Господь сказал: *Смотрите же за собою, чтобы сердца ваши не отягчались объядением и пьянством и заботами житейскими* (Лк. 21: 34). Вот почему пост – для сердца. И еще Господь сказал: *Сей же род изгоняется только молитвою и постом* (Мф. 17: 21). Вот почему пост – против дьявола.

Наши страсти связали нас тысячью паутинок. И мы лежим, как Гулливер, связанный лилипутами. Каждая их веревка в отдельности для нас смешна. Подумаешь, лень. Подумаешь, полежал под одеялом подольше, или съел лишнего, или гадость послушал, или чушь рассказал. Но собранные вместе, паутинки становятся канатами. Пост силен их порвать. Неприятности на работе, холод в семье, сосущая тоска под сердцем, упадок веры, тяжесть ума, житейские неудачи – это ведь все оттуда, от рабства страстям, от бесовской карусели, на которой крутится наша мысль. Отсюда все внутренние и внешние несчастья.

Поэтому пост многое изменит. Многие цепи спадут, не только у тебя, но и у многих твоих сестер и братьев. Это будет не твой личный подвиг, подвиг гордого одиночки. Это будет общее дело, сорокадневная непрекращающаяся литургия (в переводе с греческого – «общее дело»), благородная битва всех тех рабов Христовых, которых ты знаешь и не знаешь. Их маленькие победы лягут в общую копилку и всех обогатят. Церковь опять вдохнет полной грудью и обновится.

Конечно, со dna сердца поднимется такая муть, что не раз и не два руки невольно опустятся, и кто-то невидимый слева прошепчет: «Успокойся, смотреть противно, как ты на небо лезешь». Но уже на следующий день или в тот же вечер ты прочтешь молитву святого Ефрема и опять ободришься. Господь всякий раз будет говорить тебе: «Дерзай, чадо! Я близко».

Бескровные проповедники сладких сказок столетиями трудились над тем, чтобы превратить христианство в пресное и безвкусное месиво. А Церковь каждый год зовет тебя на хорошую драку, потому что наград без войны, и войны без ударов, и ударов без боли – не бывает. Терпи боль и трудись над сердцем. Это цена свободы.

Пасха, к которой мы движемся, – это пир, на который нас пригласили. Мы стали перед зеркалом и с ужасом поняли, что в таком виде нас на пир не пустят. Не только одежда стара, но и шея грязна, и руки в смоле, и нос чумазый. Нам надо причесаться, вымыться и переодеться. Кто умоется слезой и оденется в добродетели – перед тем тихо и торжественно растворятся двери пиршественной залы. Он услышит свое имя, названное громко, и с замиранием сердца переступит порог.

Молитва при. Ефрема Сирина

Господи и Владыко живота моего! Дух праздности, уныния, любоначалия и празднословия не даждь ми.

Дух же целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви даруй ми, рабу Твоему. Ей, Господи, Царю, даруй ми зрети моя прегрешения и не осуждати брата моего, яко благословен еси во веки веков. Аминь.

Время встречи

Наступает время, когда каждый из нас должен впустить в свою жизнь немного тишины, чтобы вновь – а может быть, впервые – услышать, как Христос ищет и зовет драгоценную душу, которая Ему дороже всего мира.

Время Великого поста – это время, когда человеку нужно просить, искать и стучать в точном соответствии с евангельским призывом. Обещано, что стучащему отворят, ищущий найдет и просящему дастся. Что до поиска, то мы должны искать прежде всего Царствия Божия и правды его, а все остальное, в поисках чего мы стаптываем ноги и растрачиваем нервы, нам приложится. Что до стука, то стучать нужно в двери милосердия Божия, пока Жених не пришел на брак и пока из-за дверей некоторые не услышат: «Не знаю вас». Просить же нужно всего, чего нет: мудрости нет, терпения нет, покаяния нет, стойкости нет – и все это нужно выпрашивать у богатого милостью Господа, многократно названного Сокровищницей благ.

Стучать, просить и искать нам повелевает воплотившаяся Истина. В мире обычных людей учащий не всегда делом исполняет то, чему учит. Об этом люди сложили справедливую поговорку: «Врачу, исцелися сам». Но Христос Сам исполняет все, чему нас учит. Он тоже просит, ищет и стучит.

Когда просит Христос? Например, говорит самарянке: «Дай Мне пить», – и не только потому, что пить хочет по-человечески, а потому, что ищет ее напоить, как Бог и Сердцевед. В длинный разговор вступает с простой женщиной, чтобы в конце диалога открыться ей и чтобы через нее Его слово услышали в городе. Так открывается просьбой Христа разговор, специально начатый для уловления в евангельские сети человека. Но и обычные просьбы, просьбы без миссионерской изнанки, произносит Христос. Устами нищих и обездоленных Он просит пить, есть, одеться, просит, чтобы к Нему пришли или Его к себе пустили.

Чего ищет Христос? Ничего. Не «что», а «кто» нужен Ему. И правильный вопрос – кого ищет Христос? Человека. Первый голос после грехопадения, который слышал Адам, был вопрос Бога: «Адам, где ты?» Пастырь тотчас стал искать потерянную овцу. Когда же облекся в наше смирение, то стал говорить «покайтесь», а это – то же самое, что «Адам, где ты?», только выраженное другими словами. И колокол, гудящий с колокольни, лишь повторяет раз за разом голос ищущего Бога: «А-дам! А-дам!»

В одной из притч Христос говорит о женщине, потерявшей монету. Она зажгла светильник и тщательно вымела дом, чтобы монету найти. Женщина в этой притче есть образ Господа, ищущего потерявшуюся драхму – человека. И на человеке, и на монете есть образ. На монете – образ правящего кесаря, а на человеке – образ Божий. Светильник из притчи в женских руках – это покаянная проповедь Иоанна. Без огня его проповеди монету в большом доме найти невозможно.

Куда же стучит Христос? В двери сердца, как написано: *Се, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему, и буду вечерять с ним, и он со Мною* (Откр. 3: 20). Во всякую дверь Он стучит, и если не слышен сей стук, то либо в доме спят, либо шумят и кричат – не поймешь, то ли спорят и ссорятся, то ли что-то празднуют, либо все умерли. Смерть, как и сон, разумеем греховные, почему и Павел объединяет их вместе, говоря: *восстани, спящий, и воскресни от мертвых, и освятит тя Христос* (Еф. 5:14). Если же в доме ругаются, или поют, или на полную громкость включили все магнитофоны и телевизоры, то пост как раз и предназначен для воцарения благословенной тишины. Стоит ей воцариться на малое время, как тут же между ударами сердца совесть расслышит стук в дверь Того, Кто хочет войти и вечерять.

Итак, просить, искать и стучать велит нам Господь – и Сам, в Свою очередь, просит, ищет и стучит. Он хочет, чтобы мы искали Его, потому что Сам нас непрестанно ищет. Он хочет,

чтоб мы думали о Нем, потому что Сам о нас непрестанно думает. Христос есть *Божия сила и Божия Премудрость* (1 Кор. 1: 24). Не может Вечная Премудрость ничего не думать, и если что главное занимает Божественный ум – то это мысли о человеке.

Он думает обо мне, я думаю о Нем. Рано или поздно две эти мысли встретятся, и родится теплота, и будет то, о чем сказал царь и пророк: *Воспламенилось сердце мое во мне; в мыслях моих возгорелся огонь* (Пс. 38: 4).

Он ищет меня, я заблудился и на помощь зову. Когда мы услышим друг друга, быть мне на Его плечах, потому что Он – Пастырь Добрый, а я – овца Его стада.

Эта встреча мыслей, это сочетание голосов, взаимное услышание, это переплетение рук по-богословски называется синергией. Бог хочет меня спасти – и я в Боге спастись хочу. А попростому называется это любовью, в которой он – Господь, а она – душа человеческая. Оба они в винограднике, и голос друг друга слышат, а глаза в глаза еще друг другу не смотрели. Он ее зовет, она на зов откликается – и оба идут на голос в трепетном ожидании встречи, совсем как в Песни песней.

Виноградник – это Писание, а лучшее время встречи – тот же Великий пост.

Две правды

Есть две правды, подобные плитам, положенным в основание дома. Знание этих двух правд, двух истинных мыслей, позволяет поднимать вверх душевный дом без страха того, что он обрушится. Первая правда звучит так: я – грешник, и не живет во мне, то есть в плоти моей, доброе (Рим. 7:18). Вторая правда: Христос воистину воскрес, и смерть уже не имеет над Ним власти (Рим. 6: 9).

Как светильник в темном месте, сияет в душе моей совесть. Она мерцает, то разгораясь, то затухая, и нужен немалый труд, чтобы сохранить этот светильник горящим. Как закваска, вложена в человеческое естество благодать Христова, и жизнь моя длится ради того одного, чтобы из Адамовой муки превратиться в тесто Христово.

Мысль о том, что я *продан греху и не понимаю, что делаю* (Рим. 7: 14–15), требует Великого поста с его слезами и земными поклонами. Весть о Воскресении Христовом, как «эге-ге-е-ей», выкрикнутое в горах, отзывается в душе долгим эхом и требует Светлой седмицы с ее непрестанными «Христос воскрес!» – «Воистину воскрес!».

Вслед за тем как Христос исполнил все, что Ему повелел Отец, Он уступил место иному Утешителю, Духу Истины, и Пасха логически стремится найти завершение в Пятидесятнице.

Вот два периода – Великий пост и Пятидесятница, – в которых находят выражение и наша покаянная печаль, и наше предвкушение будущего блаженства. Сорок дней и пятьдесят дней – это четверть года. Если целый год сравнить с циферблатом, с тем ровным кругом, что описывает минутная стрелка за один час, то время от начала поста до Сошествия Святого Духа будет равно пятнадцати минутам. Одна четвертая, прямой угол, образованный стрелками, указывающими на «12» и на «3». Если год – это круглый пирог, то время Постной и Цветной Триоди – четвертая и самая вкусная часть пирога.

В эти дни и службы в Церкви совершаются по особым книгам. Во все остальное время поется Октоих, книга, взявшая имя от священной цифры «восемь». «Семь» – это образ мира сего, который был сотворен и благословлен в семь дней. А «восемь» – образ выхода за пределы этого мира и вступления в мир грядущий. И сам воскресный день можно называть как «днем первым», так и «днем восьмым».

На восемь гласов с помощью Октоиха воспевают православные люди Господа в течение всего года. Но для Великого поста и Пятидесятницы используются другие книги – Триоди.

Может быть, это нужно знать не всякому. Может, кроме духовенства, только те, что поют на клиросе, должны разбираться в этих нюансах. Но скажем об этом хотя бы ради того, чтобы подчеркнуть необычность покаянного и пасхального периодов жизни.

Дети умеют смеяться сразу же после слез. Еще слезы катятся по щекам и блестят на ресницах, а ребенок может уже заливисто смеяться. Это тоже образ перехода от поста к Пасхе, от печали к торжеству. В двух этих режимах, слез и радости, закаляется душа, словно выбегает из парной, чтобы броситься в ледяную воду.

Сорок дней ходила душа неприкаянная, как Мария у гроба, и плакала. Все искала Кого-то взглядом, все повторяла про себя одно и то же: *унесли Господа моего, и не знаю, где положили Его* (Ин. 20: 13). Но прошло сорок дней, а затем прошел и измощающий ужас Страстной седмицы. И на рассвете первого дня дано было узнать душе, что значат слова: *возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто не отнимет от вас* (Ин. 16: 22).

И еще не успели высохнуть одни слезы, печальные, как радостью засветилось лицо, и потекли из глаз слезы новые, радостные.

В ту ночь оглянулась душа вокруг и увидела, что ночь – светлее дня, потому что таких же радостных, как она, душ вокруг – множество.

В бой

Душа ждет поста, как девушка – весны. В первые постные дни, полные воодушевления и бодрости, еще раз вспомним: тому, кто желает поститься по-честному и всерьез, предстоит настоящая «мясорубка».

Бог не столько слушает, сколько обоняет молитву, а молитва не столько звуки песни или стиха, сколько фимиам Богу, кадильный благоуханный дым.

Когда Агнец берет Книгу, *четыре животных и двадцать четыре старца пали пред Агнцем, имея каждый гусли и золотые чаши, полные фимиама, которые суть молитвы святых* (Откр. 5: 8). И еще: *И пришел иной Ангел, и стал перед жертвенником, держа золотую кадильницу; и дано было ему множество фимиама, чтобы он с молитвами всех святых возложил его на золотой жертвенник, который перед престолом. И вознесся дым фимиама с молитвами святых от руки Ангела пред Бога* (Откр. 8: 3–4).

Теперь представим, что кадильница пуста. Нет молитв, и святость оскудела. «Погас огонь на алтаре». Это значит, что в Небесном Храме, как у Тарковского в «Рублеве», идет снег. Снег в храме означает, хоть мы этого и не видим, что купол снят или что золотые кровельные листы ободраны. Можно не сомневаться, что за пределами храма, в котором идет снег, открывается еще более страшная картина. Там покосившиеся дома без жителей, стаи голодных псов, одичавшие люди, на псов похожие, и непогребенные трупы на дорогах. *И высоты будут им страшны, и на дороге ужасы* (Еккл. 12: 5).

Жизнь разрушается даже не до уровня кладбища, а до уровня перепаханного и оскверненного кладбища, если на золотой жертвенник Ангелу нечего положить.

Пост – Великий в особенности – совершается ради того, чтобы на жертвенник было что положить. Ради молитвы совершается пост.

Ради молитвы – прекращение вражды и примирение перед посильным подвигом. Ради молитвы – раздача милостыни (смирно, так, чтобы правая рука не знала, что делает левая). Пост – это ответ на трубный звук апостольского голоса: *Приблизьтесь к Богу, и приблизится к вам; очистите руки, грешники, исправьте сердца, двоедушные. Сокрушайтесь, плачьте и рыдайте; смех ваш да обратится в плач, и радость – в печаль. Смиритесь пред Господом, и вознесет вас* (Иак. 4: 7-10).

Теперь спрошу: кто молится и где? Больше спрошу: молится ли кто-то? И себя не забуду спросить: молюсь ли я?

Многие читают молитвенные тексты и вычитывание называют молитвой. Но сама молитва есть ли у нас?

По плодам проверим дерево. Вражда погасает, зависть вянет, сердца оживают, и грехи слезают с кожи, как омертвевшие струпья там, где молитва есть. Если она и есть у нас, то мало ее или не такова она, какой быть должна. Потому что и зависти много, и уныния много, и ложных страхов много, и струпья гноятся, не усыхая. А главное – Христос кажется таким далеким, словно не сказал Он: «Я с вами во все дни до скончания века».

Проповедники древности обличали тех, кто не ест, но притом и не меняется к лучшему. «Как медведи в берлоге не едят, но урчат, – говорили они, – так и вы с пустой утробой урчите ропотом, завистью и ссорами». Болезнь эта далеко не ушла, но появились новые. Есть теперь в ресторанах постное меню. Двадцать пять перемен блюд, и все – поста не нарушая. Не смех ли это? Может, и не смех, но новая странность. Под гастрономические требования мир всегда подстроится, пощекочет гортань, наполнит чрево, сохраняя иллюзию религиозной праведности. Только под молитву мир не подстроится, потому как не может. Царица-молитва всюду свое благородство обнаружит, и на горошине будет ворочаться, как на булыжниках, потому

что хочет главного, а не пестрых одежек. Главное – Бог. Бога ищет молитва и не хочет сводить пост к постному меню в дорогом ресторане.

Теперь скажем тем, кто будет поститься честно, и строго, и ради Господа.

Вы в очередной раз пойдете в бой, как некогда шли в бой под Москвой бойцы отдельного курсантского полка. Это было в 1941 году. Курсанты закрыли брешь в обороне шириной в тридцать километров между Бородином и Волоколамским шоссе. Восемьдесят пять километров, пройденные за сутки кремлевцами от Сенежа через Клин до позиций, немцам пришлось преодолевать с боями два месяца! Цена боев – более восьмисот убитых, но выиграно драгоценное время для контрнаступления. Те, кто воевал тогда, должны были сдавать накануне экзамены на получение офицерского звания. Вместо экзаменов они внезапно для себя вступили в настоящие двухмесячные бои с самой лучшей армией мира. Триста оставшихся в живых после контрнаступления без дополнительных экзаменов получили офицерские звания и возглавили взводы и роты, продолжая войну.

Зачем и к чему теперь об этом вспоминать?

Кремлевцы – будущая элита офицерского корпуса. Они вышли из расположения части в новых шинелях, в начищенных сапогах и со свежими подворотничками на гимнастерках. Вышли как будущие офицеры. А уже через сутки с небольшим там, где они окопались, было месиво крови, разрытой снарядами земли и грязного снега. Стонали раненые, и быстро на морозе остывали убитые. Выли бомбы, и лязгали гусеницы танков. Сапоги уже никто не чистил, строевым шагом не ходил и на построениях не высматривал грудь третьего впереди стоящего человека. Вся дисциплинарная этика и эстетика офицерства влезла костями и плотью в мясорубку современной войны, чтобы вылезти наружу в виде фарша из героизма, страха, боли и бесценного опыта.

Немцы прошли дальше, дорого заплатив за каждый пройденный метр. А в курсантах не осталось ничего красивого по внешности, ничего годящегося для парада, но они стали подлинными воинами и внесли неопределимый вклад в будущую Победу.

Вот так и мы входим в воды поста. Входим поплавать, а попадаем в шторм. Входим с мечтами о духовной красоте, а попадаем в знакомство с собственной грязью. Ищем Бога, а получаем разожженные стрелы лукавого. Входим окрыленные, а до Пасхи доползаем уставшими и подчас раздавленными. Но доползаем. До Пасхи!

Поэтому воюйте честно, христиане. Не изображайте из себя самозванных святых, но устремляйтесь к Господу. Принимайте раны, падайте и поднимайтесь. Ваши слезы, ваши крики отчаяния и стоны усталости – вклад в общую победу Церкви. И не думайте всю войну пройти по асфальту в начищенных до блеска сапогах, как тыловые крысы. Воюйте.

Честно говоря, отступать нам, как и тогдашним воинам, некуда.

Пост – война. И молитва – война. Кто трус, пусть заранее скажет об этом и выйдет из строя, чтобы не заразить потом паникерством соратников.

Мы начали с фимиама, а заканчиваем войной. Но вот закончим войну, и наступит подлинная власть благодарности и время чистых благовонных курений.

«Не ешь» – столь же древний запрет, как и сам человек

Дорогие друзья, похвалим пост. Похвалим пост как явление, совечное человеку.

Когда человек был создан и ничто ему не угрожало, перед ним расстилалась чистая гладь великой жизни, он был связан слабыми заповедями, маленькими. Была повелительная заповедь: возделывать и хранить сад Эдема. Земледелец, садовник – это первая профессия человека.

А вторая заповедь была ограничительной: не вкушать от одного из деревьев. То есть «не ешь» – это столь же древнее явление, как сам человек. Как только человек был создан, его уши огласились Голосом «не ешь!». Не в смысле ничего не ешь. Ешь, ибо ты плоть, ты нуждаешься, ты связан с миром.

Мы через еду подтверждаем свою связь с миром. Мир нам не чужой. Поэтому мы должны его любить. Поэтому не должны плевать в колодцы, отравлять источники рек, вырубать леса, загаживать отходами химического производства пашни и поля. Потому что это все кормит нас, мы нуждаемся в этом. Эта наша связь с миром, она рождает сострадание к миру, благодарность к нему и любовь к нему. Но была заповедь – не ешь. Запрет на определенное вкушение был столь же древним, как древен сам человек.

Пост известен всем, кто хоть немножко знает Бога и кто стремится к тому, чтобы знать Его больше. Вы не найдете ни одной культуры, ни одной религиозной практики, ни одной религиозной традиции, в которой бы не нашли поста в той или иной его форме. Есть религии, требующие изуверженного поста. Есть религии, требующие очень слабого, разжиженного, маленького поста. Но вы не найдете ни одной культуры, глубокой, серьезной, где есть поэзия, философия, аскеты, подвижники, храбрые воины, верные жены, великие цари, где не было бы понимания о том, что нужно поститься.

Когда Иона пришел в Ниневию и сказал, что еще три дня – и Ниневия будет разрушена, то первой реакцией, желанием спастись у ниневитян, у этих язычников, было не кормить никого. Самим не есть и не пить, детей не кормить. Пусть этот крик некормленных детей достигает неба. Скотину не кормить, чтобы она мычала там, выла, пищала, гавкала и мяукала. Чтобы и эти крики голодной твари поднимались к небу. Сесть в прах и смириться перед Богом. Эти люди тоже знали, что пост спасает человека.

У евреев есть великий день поста, когда они смиряют свои сердца перед Господом. В исламе есть месяц один в году, когда они слюну боятся сглатывать, боятся Бога и хотят очистить душу от грехов. У всех них есть понимание, что пост и покаяние неразрывны, что пост нужен для прощения наших неправд.

Он есть, есть у людей. Но он должен быть и у нас. И он, конечно, есть у нас. У монашествующих, у благочестивых, у тех, которые имеют чистое сердце, обрезанное, или тех, кто стремится к чистому сердцу. Но далеко не у всех.

Никто никогда не ел так много, как ест сегодняшний человек. Столько перемен блюд на столах не было даже у царей, не то что у работника ЖЭКа. Никогда человек не ел мяса круглый год. В самых богатых странах, в самых развитых культурах мясную пищу ели те, кому было разрешено. У китайцев, например, князья имели название «едящий мясо». Не потому, что крестьянин не мог себе курицу зарезать, – ему нельзя было.

То есть мясо ели не все. А те, кто ел, не ел его всегда.

Пост – мать добродетелей. Все-таки он отводит зло от человека, он утончает его помыслы, он смиряет его сердце, он рождает много свободного времени. Он дает ему толчок в спину для того, чтобы он дальше пошел. И начал трудиться над душой своей.

Поэтому, пожалуйста, займитесь этим постным трудом. Все в свою меру – но все. Займитесь. Пользу ощутите сами. И потом не будете нуждаться, чтобы кто-то вас научил. Сами будете знать: в посту я был лучше, чем до поста или без поста. С Богом.

Когда пост становится самообманом

Касающееся поста должно касаться всей жизни в общем. Пост – это только концентрированное отношение к жизни. То, что происходит в пиковые, какие-то экстремальные ситуации на высших и низших точках нашей жизни, – это только заострение бытия. Поэтому нужно ставить вопрос о том, как сделать, чтобы вся жизнь не прошла мимо, как вообще сделать так, чтобы все важное в жизни не превратилось в формальность, и какие конкретные задачи нужно на жизнь ставить человеку. В течение обычной жизни мы не очень обеспокоены такими вещами, пока не заболеем или пока мы не вступим в какую-то особую полосу.

Христиане, например, никогда так много не грешат, как тогда, когда пост заканчивается. В течение поста более-менее у нас есть обычай застегнуться на все пуговицы, взять себя в руки. Но когда пост заканчивается, мы выписываем себе индульгенцию на то, чтобы отвязаться от всех правил и законов. Начинается какое-то разливанное море беззакония. Итак, пост – это всего-навсего концентрированное выражение к жизни вообще.

Меру достоинства любого дела определяет то, ради чего и ради кого ты это делаешь. Если пост держится человеком ради диеты, в смысле улучшения состояния здоровья или внешнего вида, то это диетологические упражнения, и у них одна цена. Если пост делается, потому что «так надо», без критического осмысления, то это есть следование традиции, не посолненное личным отношением. Тут другая цена.

Пост нужно посвятить, как и все остальное, лично Господу Иисусу Христу, связав пост в своем сознании с тем фактом, что это была первая заповедь. Заповедь «Не вкушай» была первой заповедью новосотворенного человека. Согласно Книге Бытия, Господь Бог воспитывал человека и создал его не в атмосфере вседозволенности, а дал ему заповеди. Вначале простейшие, однако конкретные, запретительные и повелительные.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.